

83.3(2=411.2)6-8

О-35

СА-407039

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ: ЧЕЛОВЕК И ТВОРЕЦ

О.А. Овчаренко

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

О.А. Овчаренко

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ: ЧЕЛОВЕК И ТВОРЕЦ

СА-404039

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
ИМЛИ РАН
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	8
Характерология Леонова.....	17
«Вор» — роман всей жизни.....	43
Философия имяслова и ономастическое пространство Леонида Леонова	53
Леонов и Россия.....	74
Леонид Леонов и наследие классики.....	82
Леонид Леонов о литературном творчестве	88
Афоризм в творчестве Леонова.....	97
Проблема творческого метода Леонида Леонова.....	108
Леонов и Достоевский.....	128
Леонов и Горький.....	162
Загадки романа «Пирамида».....	172
Подтекст как доминанта художественного мира Л. Леонова.....	183
Гностицизм в литературе XX в. и в творчестве Леонова	189
Моя работа с Леонидом Леоновым.....	221
Библиография.....	245

CONTENTS

Introduction.....	8
Leonov`s characterlogy.....	17
“Thief” — novel of the whole life.....	43
Philosophy of “name glorification” and Leonid Leonov`s onomastic space	53
Leonov and Russia.....	74
Leonid Leonov and heritage of classics.....	82
Leonid Leonov about literary work	88
Aphorism in Leonov`s literary works.....	97
Problem of Leonid Leonov`s artistic method.....	108
Leonov and Dostoyevsky.....	128
Leonov and Gorky.....	162
Riddles of the novel “Pyramid”.....	172
Implied meaning as the dominant of Leonov`s artistic world.....	183
Gnosticism in 20 th century literature and in Leonov`s literary works.....	189
My work with Leonid Leonov.....	221
Bibliography.....	245

ВВЕДЕНИЕ

Более тридцати лет прошло со времени моего усиленного общения с Леонидом Леоновым. За этот период вышло в свет немало воспоминаний и исследований, посвященных писателю. Воспоминания порой принадлежали людям, которых связывало с Леоновым шапочное знакомство, и это было одной из причин моего молчания — не хотелось уподобляться подобным мемуаристам. Вторая причина — более чем скептическое отношение Леонова к исследователям его творчества. Он был доброжелателен к ним, вступал с ними в подчас очень интересные беседы, которые иногда разрешал записывать. Можно сказать, что от «допирамидного» леоноведения только и остались записи этих бесед. «Какой ужас! — восклицал Леонид Максимович. — Моим творчеством занимаются четыре доктора наук, и хоть бы один что-нибудь понял!» Впрочем, о нашем ИМЛИ он отзывался с некоторой обидой: «Изучают литературу Зимбабве (с ударением на последнем слоге. — О.О.) а моим творчеством заниматься по-настоящему некому»¹.

За прошедшие после смерти писателя годы докторов наук стало больше, а понимание творчества писателя значительно углубилось. В этой связи я поступила по совету немногих оставшихся в живых общих знакомых моих и Леонида Максимовича и решила представить на суд читателя данный труд, в который входит и глава «Моя работа с Леонидом Леоновым». Круг жизни замыкается и, «на санях сидя», я думаю, как странно сложилась жизнь.

Мой отец мечтал познакомиться с романом «Пирамида» еще в ту пору, когда он назывался «Ангел». Не получилось, не дожил. Зато я подготовила роман в печать и выучила его почти наизусть. А Леонид Максимович очень хотел, чтобы отец написал о нем книгу. Отец не успел. Уже после его смерти, в 2002 г., мама опубликовала его записи «В кругу Леонида Леонова», а книгу о Леонове, как бы выполняя семейный долг, пишу теперь я. Леонов знал, что мой путь так или иначе будет связан с искусством слова. Он говорил: «Когда будете работать над своим материалом, вспомните, как я работал над словом. Вам это будет полезно». Все помню и жду нашей неизбежной встречи за перевалом, где, говоря словами Леонова, светит солнце, но куда страшен путь.

Несмотря на неоднозначное отношение к моей работе со стороны некоторых леоноведов, я живу с сознанием выполненного долга.

¹ Из архива автора.

Именно публикация «Пирамиды» еще при жизни Леонида Максимовича выделила последний ее вариант как наиболее полно отражающий авторскую волю и ставший основой для последующих публикаций романа. Именно публикация «Пирамиды» привела к новому прочтению всего творчества Леонова. «Из плена инерционного восприятия книги Л. Леонова стали выходить благодаря не только произошедшей на наших глазах смене идеологических и методологических вех, но и выходу из печати романа-наваждения в трех частях «Пирамида», когда путем «рекурсивного чтения» в свете его начался процесс активного переосмысления леоновского творчества» [8, с. 19], — писала видная исследовательница леоновского наследия Л.П. Якимова.

Новое прочтение Леонова охватило собой лучшие силы отечественного литературоведения. В этой связи, прежде всего, хочется упомянуть две книги. Первая из них — это «Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью; вышла она в свет в издательстве «Голос», опубликовавшем в 1994 г. «Пирамиду» Леонова.

«Первоиздатель», как его называли люди из окружения писателя, П.Ф. Алешкин сумел объединить вокруг сборника большинство людей, знавших Леонова. Прекрасно, что он успел выпустить сборник еще до болезни Н.Л. Леоновой и она рассказала о предках своего отца, рассмотрела его семейные истоки. Свои воспоминания о писателе оставили его друг Б.И. Стукалин, издатель В.О. Осипов, директор музея Горького ИМЛИ Л.П. Быковцева, один из редакторов «Пирамиды» Вадим Дементьев и сам П.Ф. Алешкин.

Очень весомым вкладом в отечественное литературоведение стал изданный в ИМЛИ РАН коллективный труд «Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания» (М., 2001), в который вошли материалы Международной леоновской конференции.

В этом сборнике в статье С.Г. Семенович «Романы Леонида Леонова 20–30-х гг. в философском ракурсе» [9], уже началось новое прочтение творчества писателя. Здесь же выступили и литературоведы, которые в дальнейшем определяют пути развития леоноведения: Т.М. Вахитова, А.А. Дырдин, Л.П. Якимова, Н.В. Сорокина. Познавательны и вошедшие в сборник воспоминания Н.Л. Леоновой, Н.А. Макарова, В.А. Десятникова и других авторов.

Думается, что очень интересны и сборники коллективных трудов, посвященных проблемам творчества Леонова и объединяющих в себе, в основном, материалы научных конференций. Это «Леонид Леонов и русская литература XX века» (СПб., 2000) со статьями Т.М. Вахитовой, В.И. Хрулева, А.И. Павловского, А.Г. Лысова, А.М. Любомудрова.

ХАРАКТЕРОЛОГИЯ ЛЕОНОВА

Данный очерк не претендует на всеобъемлющее отражение богатства выведенных у Леонова характеров. Просто делается попытка дать типологию его героев и персонажей.

1. Мужики

Отношение писателя к мужикам определилось в 1927–1928 гг., когда были созданы «Необыкновенные рассказы о мужиках». Думается, что их можно назвать художественной иллюстрацией к публицистической книге Горького «О русском крестьянстве». Главным качеством мужиков писатель считает безудержную жестокость. Чего стоит одна картина того, как мальчишки играют котенком в футбол (рассказ «Мечь»). В рассказе «Возвращение Копылева» мужики решают выпороть красного карателя Мишку, говоря: «Не ждали мы от тебя подобного злодейств мужикам — а, Миша! Полдеревни по ветру пустил, старшине два пальца срубил в допросе, а ныне дитем прикидываешься. Это серость твоя, Миша. Утешь сердце, хошь побить себя дай» [4, т. 1, с. 372]. В рассказе «Приключение с Иваном» погибает ни в чем не повинный безответный глухонемой Иван, потому что мужикам надо выместить на ком-то свою злобу.

Крайняя жестокость мужиков сочетается с жадностью и безоглядным невежеством. В рассказе «Темная вода» крестьянка Мавра не может поверить фельдшерице, что ей срочно надо показаться городскому врачу, и дважды берет деньги из ее шкатулки.

Однако писатель не отказывает мужикам в своеобразной крестьянской сметке. Так, мужики из «Возвращения Копылева» все-таки решают сохранить ему жизнь и после жесточайшей порки вызывают к нему знахаря. Мишка постепенно приходит в себя и даже собирается жениться.

Роман Леонова «Барсуки» ценен не столько индивидуальными, сколько коллективным портретом русского крестьянства. Причиной Гражданской войны в бывшем селе Архангеле, разделившемся на две деревни — Вору и Гусаки — писатель изображает соперничество из-за Зинкина луга, который советская власть отдала Гусакам. Безусловной удачей художника является одна из финальных сцен романа: пока Павел и Семен дискутируют, их сторонники вполне дружелюбно общаются между собой, так что, если бы не главари барсуков и красных, крестьяне давно уже могли бы замириться.

«ВОР» — РОМАН ВСЕЙ ЖИЗНИ

В творчестве Л.М. Леонова роман «Вор» занимает особое место. Впервые он был издан в 1928 г. (закончен в 1927 г.) Более чем тридцать лет спустя автор захотел его «перечитать»: «Автор с пером в руке перечитал книгу, написанную свыше тридцати лет назад. Вмешаться в произведение такой давности не легче, чем вторично вступить в один и тот же ручей. Тем не менее можно пройти по его обмелевшему руслу, слушая скрежет гальки под ногами и без опаски заглядывая в омуты, откуда ушла вода» [5, т. 3, с. 7]. Эти написанные в 1959 г. слова предваряют II редакцию романа Леонова. Еще же писатель возвращался к «Вору» в 1982, 1990 и 1993 гг. В 1990 г. был абсолютно заново написан эпилог, который, по мнению некоторых исследователей, даже вступил в противоречие с текстом романа. Такое неоднократное возвращение к уже законченному произведению вообще-то свойственно таланту Леонова. Вспомним пьесы «Нашествие» и «Золотая карета». Однако доработка «Вора» была кардинальной и имела более глубокие причины.

А.Г. Лысов считал, что «Вор» в названии своем заключал аббревиатуру Великой Октябрьской революции [6, с. 30]. О возможности подобной расшифровки названия романа задумывалась и Л.П. Якимова [10, с. 88].

Так или иначе, Октябрьская революция является смысловой доминантой, на фоне которой разворачивается действие романа. Писателю довелось прожить долгую жизнь, на протяжении которой менялось его отношение к революции: от подозрительного (I редакция «Вора») до сочувственного («Скутаревский», «Дорога на Океан»), утверждающего («Нашествие», «Русский лес») и неприемлемого («Вор» с эпилогом 1990 г., «Пирамида»).

Трудно согласиться, что в первой редакции романа «главным в герое было» бунтарство, обида за революционные идеалы, растоптанные действительностью» [9, с. 397]. Между тем не только Митя Векшин, но и другие герои романа прекрасно понимают, что именно революция привела к криминализации русского народа. Так, Маша говорит Мите: «Вот и тебя на песне твоей возьму! Я тебе честно говорю: ползать заставлю, а потом прогоню. Останешься — Агеем сделаю. Ползай скорей, чтобы сократилось твое мученье» [2, с. 496].

Здесь уже показана деградация Маши и превращение ее в Маньку Вьюгу, но оно еще как бы не является окончательным и бесповоротным. И Донька Кудрявый еще может сказать Маше: «Великую силу носишь в себе, Маша <...> как Кудема, которая мчит и мечет в

ФИЛОСОФИЯ ИМЯСЛАВИЯ И ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Связь творчества Леонида Леонова с философией и культурой Серебряного века неоднократно отмечалась многими исследователями, став особенно очевидной после публикации романа «Пирамида» [13, с. 279–286]. Сам Л.М. Леонов, вымуштрованный суровыми десятилетиями эпохи умолчания, мало распространялся в личных беседах о своем общении с выдающимися русскими философами. Впрочем, однажды, говоря о генезисе «Ухода Хама», он упомянул о своих консультациях с М.О. Гершензоном по вопросам каббалистики. В другой раз, когда я настаивала на близости некоторых идей так называемого «Апокалипсиса от Никанора» из романа «Пирамида» к теориям Н.А. Бердяева, он нехотя признался, что «идеи, действительно, носятся в воздухе», а с Бердяевым он общался у своего тестя М.В. Сабашникова.

Долгие годы дружбы связывали Л.М. Леонова с внуком о. Павла Флоренского игуменом Андроником Трубачевым, который, к сожалению, не оставил свидетельств о тематике своего общения с писателем.

Но анализ творчества Леонова, исследование его ономастического пространства позволяет сделать вывод о близости его к такому философскому течению, как имяславие, которое, несмотря на решение Святейшего Правительствующего Синода Российской Церкви от 18 мая 1913 г., надо рассматривать как проявление сугубо православной мысли.

Как известно, в 1907 г. на средства великой княгини Елизаветы Федоровны, руководствовавшейся рекомендациями оптинского старца Варсонофия [1, с. 298], была издана книга схимонаха Илариона «На горах Кавказа», положившая начало длительной дискуссии между имяславцами и имяборцами. Имяславцы исходили из тезиса святого Иоанна Кронштадтского: «Имя Божие есть сам Бог» [13, с. 529]; в философских спорах приняли участие ведущие русские философы: П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, В.Ф. Эрн. Последний, в частности, считал имяславие «великой, мировой богословской темой» [9, с. 177], а отец Павел Флоренский видел в имяславии «вопрос жизни» [9, с. 195].

В ходе дискуссии был высказан ряд положений, имеющих параллели с творчеством Леонова.

«Я утверждаю, — писал, например, А.Ф. Лосев, — что *имя* вещи, или сущности, есть *сама вещь*, сущность, хотя и *отлично* от нее; что *имя* предмета *неотделимо* от самого предмета, хотя и *отлично*

ЛЕОНОВ И РОССИЯ

Россия является доминантой художественного мира Леонида Леонова. Размышления о ней и ее исторической судьбе содержатся в большинстве его произведений — от раннего творчества до «Пирамиды». Да и перед смертью он задавался вопросом: «Что будет с Россией?»

В «Петушихинском проломе» молодой писатель говорит: «Пройдут неладные дни, наденем бархатные штаны, сядем за электрическими самоварами, — вспомняем, вспомняем, как плясали обезумевшие от бездождья ветры, черные старики, за деревенскими околицами, как без гробов, без саванов шли безвинные наши Митьки, Никитки, Васятки тож на общественный, бескрестный погост. А погост — вся она, от края до края луговая земля.

А еще вспомняем, как обивали мы волю нашу кумачовыми быть, босые, раздетые, с глазами, распухшими от жестких предзимних ветров, как закусывали соломенным хлебом боль пролома, как шли на штурм, кутаясь в ворованные одеяла от холодной вьюжной измороси да от вражьих пуль, как кричалось в нашем сердце больно: колос-колос, услышь мужичий голос, уроди ему зерно в бревно!

Все припомним сразу, чтоб в жизни будущего века навсегда за-быть!» [4, т. 1, с. 212].

Именно судьба России, а не судьба Павла или Семена стоит в центре романа «Барсуки».

Размышлениям о Родине предаются и герои романа «Вор». Бывший помещик, влачащий жалкое существование шут-тамада Манюкин пишет в дневнике, который ведет для своего неродившегося сына Николки:

Мы не ленивей Европы, ангелок мой, а только как вдарит наша континентальная зима, то невольно тянет русских к себе стародовская впрок натопленная лежанка <...>. Спихватится грозный Иван либо Петруха: доставай из-за голенища кнут, давай догонять и нахлестывать, бороды резать, наотмашь головушки рубать <...>. И никогда в подобных схватках этих не удавалось понять старикам, что эти самые молоденькие, отступнички-то, и понесут вперед славу России <...>. Да и самим молоденьким тоже невдомек, что на плотно уложенных дедовских костях ставлено все их дерзкое вдохнове-нье, а в положенные сроки их самих затрамбуют в свой фундамент хозяйственные потомки! [4, т. 3, с. 209]

Главный герой «Вора» Митька Векшин заключает, что «само континентальное время в России текло медленней, чем на Западе <...>. Так, на протяжении веков, складывалось отставание от мирового прогресса, постепенно превращавшее Россию в обоз надменной процветающей Европы <...>. И плохо было бы дело России, кабы каждые два века не оказывался на облучке решительный ящик, пускавший догонять, выхлестывая все из знаменитой русской тройки» [4, т. 3, с. 444].

А вот опять размышления Манюкина:

Бескрайняя страна Россия распространяется во все стороны от моего подножья, а мне уж и неинтересно порой, как звалась она вчера и как назовут ее завтра <...> хотя и сам я среди прочих ходил по ней, по милой, радовался ее лужкам да зорькам, наполнял ее обширный воздух шумом своего голоса и шепотом муки, прожил свой век в ней...

Оная Россия, на мой нынешний взгляд, не есть собрание сладостных преданий старины, тем более березок, которые и в других странах успешно растут <...>. Россия есть прежде всего живой народ, обитающий некое обжитое дедами географическое пространство <...> и надлежит нам благополучие народа считать единым мерилом деятельности нашей <...>. Великий прыжок совершает конь русский из простодушного, чуть ли не Гостомышлова века, но <...> в который? [4, т. 3, с. 469]

Трогательной картиной русской природы открывается роман «Соть». «Лось пил воду из ручья. Ручей звонко бежал сквозь тишину. Была насыщена она радостью, как оправдавшаяся надежда. Стоя на раскинутых ногах, лось растерянно слушал свое сердце. С его влажных пугливых губ падали капли в ручей, рождая призрачные круги по воде. Вдруг он метнулся и канул в лесные сумраки, как камень в омут» [4, т. 4, с. 7]. Заканчивается роман картиной Сотьстрога и постигших девственную природу перемен. Правда, как говорил Л. Леонов, он не утверждал, что перемены были к лучшему.

В повести «Evgenia Ivanovna» героиня умирает от тоски по Родине. Но «Evgenia Ivanovna» описывает трагедию не только Жени. Не менее трагическое лицо — ее муж, Георгий Стратонов, только его трагедия расшифровывается из подтекста. Писатель, чтобы открыто не оправдывать героя-белогвардейца, заставляет его совершить неблагоприятный поступок — бросить жену за границей на произвол судьбы и бежать в Россию. Стратонов, как и Женья, не смог жить без

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ И НАСЛЕДИЕ КЛАССИКИ

В 1927 г., отвечая на анкету журнала «На литературном посту», Леонов сказал: «Классическая литература есть та, которая дала лучшее и незабываемое о человеке, его вере, его исканиях, ошибках, радостях и разочарованиях. Классическая литература есть литература прежде всего о всяком человеке, без прикрепления его к условиям преходящим: условиям века, места, национальности и прочим. Все эти условия суть лишь материал для создания вечного образа человека» [1, с. 7].

«Я всегда с благоговением думал... как стать достойным той литературы, с которой нас связывает Горький? Ведь Горький жал руку Тургеневу, Тургенев — Гоголю, Гоголь-Пушкину. Так оно и шло, и идет в русской литературе это тепложатие. Мне Горький жал руку, и я ценил это» [4, с. 20]. Эта же мысль звучит и в леоновской «Речи о Чехове», когда писатель вспоминает рукопожатие Горького: «Почтительно и робко мы жали его руку, еще сохранившую тепло толстовского и чеховского рукопожатий» [2, т. 10, с. 112].

Леонид Леонов — традиционалист в хорошем смысле этого слова (что не мешало ему быть новатором во многих областях литературы). «Благоденствие нации обеспечивается воспитанием юнцов в духе сурового и безусловного благоговения к наследию дедов», — говорил он в статье «О большой щепе». И еще: «Есть “чувство локтя”, но еще большее значение имеет связь по вертикали — со своими предками и потомками <...>. Предки наши видят все, видят, как ты идешь, и кричат: “Не крути хребтом, не криви, не хитри, иди достойно!”» [4, с. 49].

Леонов при каждом удобном случае декларировал свою приверженность классике.

Еще в 1933 г. в статье «Шекспировская площадность» он рассмотрел шекспировское «непревзойденное умение ваять человеческие характеры и сталкивать их в неразрешимых потрясающих конфликтах» [2, т. 10, с. 24]. А в 1934 г., на I съезде писателей он говорил о «новом человеке», возможном герое книг советских писателей: «По богатству своих идей и замыслов он уже стал полноправным членом того мирового созвездия человеческих типов, членами которого были и Робинзон, и Кихот, и Фигаро, и Гамлет, и Безухов, и Эдип, и Фома Гордеев, и Рафаэль Валентен» [2, т. 10, с. 31]. Таким образом, Леонов чертил «длинную линию», связывающую «нового человека» с традициями мировой литературы.

Леонов был представителем русской литературы, выступавшим на юбилейных торжественных заседаниях в честь русских класси-

ков, открытиях памятников, форумах писателей и просто в статьях в различных журналах.

15 января 1945 г. Леонов делает доклад на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Грибоедова. Писатель признавал, что в XX в. «Горе от ума» воспринималось иначе, чем в XIX в. Тем не менее он нашел в комедии актуальные для нового времени мотивы: «“Горе от ума” было криком среди полной ночи, — криком, что гадко и подло жить в обществе, где людей меняют на собак и где стыдятся назвать себя русскими из опасения смешаться с народом» [2, т. 10, с. 124].

Леонов размышляет о критериях испытания на прочность выдающегося произведения: «Значение гениального произведения пропортуает по мере того, как проверяется годами его обширная в родной почве корневая система. И если не ленивое забвенье потомков, ни бури века не могут заглушить его, и свежие отпрыски бегут от ствола, и молодость собирается, как сегодня, под его старые ветви, — такое произведение само повышает уровень родного искусства, оно способно старым своим испытанным хмелем будоражить новые, еще не созревшие идеи, с его вершин открываются более широкие горизонты национального бытия. Пусть множится в наших мальчишках задиристый и увлекающий вперед патриотизм Чацкого! О, если бы не было своевременно Чацких у нас, где коротали бы мы этот вечер? Может быть, на краю света в дымных чумах, и огарок стеариновой свечи казался б нам чудом цивилизации» [2, т. 10, с. 125].

К сожалению, Леонову не удалось выступить с речью о Пушкине (не доверили), но в речи «Венок А.М. Горькому» (1968 г.) он цитировал пушкинского «Пророка» как «величайшее <...> во всем нашем девятнадцатом веке стихотворение» [2, т. 10, с. 362] и сказал о его связях с произведениями Лермонтова, Толстого и Достоевского. «Будь моя власть, — сказал Леонов, — я бы ввел обязательное произнесение этой строфы («...он к устам моим приник». — О.О.) хором на всех наиболее значимых ассамблеях писателей!» [2, т. 10, с. 363].

2 марта 1952 г. Леонов выступает с речью «Памяти Гоголя» на открытии памятника в Москве. Главную силу писателя он видит в его патриотизме. «Мы любим его, — говорил о Гоголе Леонов, — за сыновнюю преданность отчизне, за глубину проникновения в тайники народной жизни, за разлитой в его страницах неуловимый пламень, по-прежнему испепеляющий наших врагов и согревающий наших друзей. Многие поколения подряд вдохновлял его вещей образ русской тройки, гениальное прозрение будущего, выраженное в скупых словах неповторимого блеска» [2, т. 10, с. 203–204].

АФОРИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Всю свою творческую жизнь Леонид Леонов пребывал в состоянии поиска. И только в самом начале пути, на стадии увлечения орнаментальной прозой, это был как бы поиск самого себя, своего стиля, индивидуальной манеры. Позднее, большую часть жизни, это был поиск, говоря словами Захара Прилепина, «разветвленных леоновских шифров» [5, с. 271], тех самых «на пятом горизонте подтекстов», о которых он говорил когда-то исследователю своего творчества В.А. Ковалеву. Сейчас стали известны те факты, которые Л.М. Леонов скрывал всю жизнь: в 1919 г. в Архангельске он был призван в Белую армию в качестве вначале юнкера, затем — прапорщика. В феврале 1920 г. в город вошла Красная Армия, и Леонова после регистрации отпустили. В мае 1920 г. Леонов уже работал в газете «Красный воин». Несмотря на отсутствие иллюзий в трудах и днях новой власти, он решил остаться на Родине и писать для своих соотечественников. Однако донести до них не просто правду, а правду о центральном событии XX в. — Октябрьской революции — было не просто, и Леонов всю жизнь измышлял средства создания того, что он называл «второй композицией» произведения, открывающейся читателю, да и то не каждому, при медленном чтении его произведений. «Вторая композиция» должна была органично взаимодействовать с первой, которая создавала произведение, вроде бы соответствующее канонам социалистического реализма: восхваляющее индустриализацию («Соть»), повествующее о разочаровании рядовых граждан в нэпе («Вор»), создающее гимн коммунисту-руководителю («Дорога на Океан») и ученому, поддерживающему советскую власть («Скутаревский»).

В 1986 г. Олег Михайлов, безусловно прочувствовавший леоновские шифры, писал о Леонове: «Его многомерное слово, его философская партитура требуют от читателя определенных усилий, даже труда, к которому мы не всегда приучены в торопливой сущности быта. Леонова невозможно перечитывать «на бегу» — нужно остаться наедине с книгой, всматриваясь в ее глубины. Зато труд будет вознагражден сторицей в постоянном и постепенном открывании для себя огромного художественного мира, вобравшего культуру прошлого и устремленного в завтра»... [3, с. 6]. «Смысл, суть каждого романа <...> неоднозначен. И если (с согласия автора) на их страницах «солируют» безусловно верящие в научный прогресс герои-вожаки и технократы, если они несут с собой безусловную правду, которая необходима жизненно, целебна для оголодавшего народа сейчас, то это вовсе не означает абсолютности их правды во време-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**